

Григорий Бабаков

Поезд милосердия

Григорий Бабаков

Поезд милосердия

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=62725182

Поезд милосердия / Григорий Бабаков: Эксмо; Москва; 2020

ISBN 978-5-04-116794-3

Аннотация

В этой книге отображены события тридцатилетней давности (октябрь 1990 г.), а именно – одного грандиозного проекта, который и носил название «Поезд милосердия». Это был действительно поезд, который проехал в течение октября по маршруту «Владивосток – Рига», делая остановки в каждом крупном городе по 2–3 дня. Ехал поезд с гуманитарной миссией: принимал участие в жизни объектов, занятых в сфере работы с социально незащищенными или опасными слоями общества и собирал попутно гуманитарный груз для пострадавших от недавней аварии на Чернобыльской АЭС.

Содержание

Тридцать лет спустя...	4
Начало пути	9
«Жирафчики»	13
Митяй	19
Старт	23
Дядя Миша	26
Аэропорт	33
Поезд милосердия	37
Задержка рейса	46
Тамара Васильевна	49
Взлет (время московское)	53
Таргеш	58
Полет-1	62
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Григорий Бабаков

Поезд милосердия

*Моей маме, Наталье Алексеевне Бабаковой —
лучшему другу моего детства, лучшему учителю
и лучшей матери на свете —
посвящается эта книга*

Тридцать лет спустя...

Прошло уже тридцать лет, а я, как сейчас, помню этот день – первое октября 1990 года. Раннее утро, кругом туман и много белого утреннего света, и мы едем на «пазике», ещё круглом, в аэропорт «Шереметьево-1», чтобы отправиться в свое самое незабываемое, самое значимое для нас и по большому счету предопределившее наши дальнейшие судьбы путешествие. Странно, но я и сейчас помню расцветку этого автобуса – белый, ну хорошо – серо-белый, с широкой синей полосой во весь борт. Тогда вариантов раскраски таких «пазиков» было-то раз, два и обчелся. Более всего памятен, конечно, желтый вариант, но и наша расцветка была очень популярна в то время.

Вот я произнес сейчас это «тридцать лет» и как-то странно задумался: ведь нам тогда было по тринадцать-четырнадцать годов (мне, например, исполнилось четырнадцать в по-

следний день этого путешествия – двадцать седьмого октября), и мы, понимая, что мы – подростки и в сущности дети, всё-таки ощущали себя довольно-таки взрослыми. Нам тогда казалось, что мы уже прожили на этом свете неслабое количество времени, а тут – «прошло уже тридцать лет»... Конечно, эта тема не нова, и я не буду сильно задумываться над ней. Всё было как у всех: все в юности считают себя взрослыми и прекрасно понимают при этом, что это не так. Это потом, воспитывая своих детей, мы начинаем рассказывать им, что, мол, мы, когда были в вашем возрасте, то тоже думали, что мы уже взрослые, а потом, дескать, осознали, что это не так. Ерунда! Всё мы понимали и тогда. Просто любому подростку, конечно, хочется стать взрослым, но перестать быть подростком, вот так вот – на самом деле, по-настоящему, он не хочет. Это факт.

Как бы там ни было, тринадцать лет казались тогда вообще-то приличным сроком жизни, хотя в глубине души каждого из нас щекотало приятное осознание того, что это только начало жизни, ещё даже не молодость, что всё ещё впереди, а у нас уже такие важные дела и такие солидные поездки... «Что же будет потом, когда нам будет по двадцать, по тридцать, по сорок?...» – думали мы. Интересно, что бы мы сделали или сказали, если бы кто-нибудь с неоспоримой точностью рассказал нам тогда, что будет с нами через тридцать лет? Вряд ли бы мы поверили. Но эти тридцать лет прошли, как они и должны были пройти. Жизнь шла и была напол-

нена разными событиями – как общественная (а нам – потерянному поколению – довелось взрослеть во время перемен), так и личная, персональная. Были достижения – у всех разные, были и потери – тоже у всех разные. Короче, жизнь шла своим чередом, но эти двадцать семь дней, которые мы провели в дороге из Хабаровска в Ригу, претендуют на право называться отдельной, пусть короткой жизнью и полюбому составляют одну из ключевых ступеней наших реальных, длинных судеб.

Очень важный день
Прошло уже целых тридцать лет,
А я, как сегодня, помню тот день.
Я помню, во что был тогда одет
И как лежала на площади тень.

Какой был автобус, какой чемодан,
Какая погода струилась тогда,
Как кто-то кому-то привет передал...
Я это запомнил всё. Навсегда.

Запомнился этот день накрепко мне,
Возможно, был это тот самый день,
Который, кирпич как несущий в стене,
Лоза, как сплетающая плетень,

Создал незаметно, не торопясь,
Платформу под жизнью и память еще,

И отбыл, тихонечко помолясь,
Красивый, безоблачный и большой.

А курс, тот, который он задал мне,
Я продолжаю всю жизнь держать,
И настроение то во сне
Мне часто приходится вспоминать.

С пути, по которому довелось
Идти мне по жизни своей большой,
Свернуть за года эти не пришлось
И вряд ли придется когда еще.

Довольно сложно мне передать
То ощущение сквозь поток,
Что продолжаю я получать,
Идя дальше вверх за витком виток.

Но это очень странный момент,
Который как будто бы весь завис
И держит меня, как с водой цемент,
Не позволяя сорваться вниз.

А самое странное в этом всём,
Что я и тогда понимал и аж чуял то,
Что мы все живем свою жизнь, живем,
Меж вех проходя, как в игре «лото».

И между этих вех проходя,

Мы натываемся иногда
На те, не запомнить что нам нельзя,
И что изменяют нас навсегда.

И я понимаю, вперед идя,
Поднявшись на нового дня ступень,
Что думал всё это тогда я не зря —
Похоже, это был этот самый день.

Начало пути

Всё происходило как всегда – без каких бы то ни было усилий с нашей стороны. Нашим классным руководителем была моя мама – человек, каких мало. Несмотря на то что теперь мы видимся с ней не так часто, как мне бы хотелось, о чем я буду ужасно жалеть потом, да и жалею уже сейчас, всё мое детство, отрочество и юность мама моя была для меня лучшим другом, лучшей матерью и лучшим учителем! Это – без преувеличений и натяжек, а также без желания прикрыть свою возможную неправоту (а сын перед матерью всегда неправ), то есть правда. Причем мама моя играла в моей судьбе такую огромную роль, плюс ко всему, на фоне того, что я всегда умел и любил дружить, и друзья у меня всегда были...

Вот мама моя всё и организовывала, а мы просто вкушали плоды её титанического труда. Да и не вполне благодарно вкушали. С нами проводилось столько всякой работы, что мы уже утрачивали понимание её ценности. Для нас всё было само собой, жили мы крайне интересной жизнью, и нам было совершенно понятно то, что каждое наше последующее приключение будет ещё интересней предыдущего. А если по какой-то причине оно окажется не интересней предыдущего, то уж, во всяком случае, явится звеном цепочки некой подготовки и будет вести нас уж точно к более интересному

событию. Вот как мы жили!

Мы учились в классе «А». Тогда он был девятый, то есть назывался девятым, хотя на самом деле был восьмым. Мы попали в эту так и непонятую нами образовательную реформу, когда в школе снова стали учиться по одиннадцать лет, но мы так и учились десять, хотя выпускались из одиннадцатого класса, пропустив седьмой и перейдя сразу из шестого в восьмой. Бред и путаница, но это было кому-то нужно. Это только сейчас мы понимаем – кому и зачем, а тогда нам было все равно, какой порядковый номер у нашего на самом деле седьмого класса. Я, правда, немного взгрустнул, что не поучился в седьмом: уж очень любил и люблю цифру семь, но недолго. Прямо как Юрий Гагарин, который очень жалел, что не походил капитаном. «Самое красивое звание», – говорил он. Его же из-за космических заслуг сразу из старшего лейтенанта майором сделали.

Мама моя, ведя классное руководство в нашем классе, добилась-таки в это смутное время благословения всяких там гор- и облоно на проведение эксперимента на базе отдельно взятого класса – то есть нашего. В ходе этого эксперимента мы углубленно изучали английский язык, за что все без исключения ей по гроб жизни благодарны, и участвовали в куче всяких внешкольных прекрасных заварух, которые, видимо, смогли сделать людей даже из нас.

В обширном ряду наших увлечений особо выделялось то,

что все мы были... «жирафчиками».

Приходи сегодня за мной
В детстве я, отправляясь в садик,
Все повторял маме вновь и опять —
Мол, приходи за мной рано-рано,
И мы будем с тобою играть.

В детском саду игры вихрем взлетали,
Но самым счастливым событием дня
Был тот момент, когда моя мама
Из этих игр забирала меня.

И ни малейших тревог и сомнений,
Сотни рассказов, что было тем днем,
Сотни вопросов, идей, рассуждений —
Это мы с мамой за ручку идем.

Школьная жизнь: рост, тревоги, успехи,
Взрослые мысли и опыт потерь...
Мама со мною прошла эти вехи,
Труд этот я оценил лишь теперь!

Дальше – мотало изрядно по свету,
Много, о чем не могу говорить,
Но в телефоне счастливой приметой
Мамино слово учило, как жить.

Вот и теперь, средь рабочего гама,

Втайне мечтаю я, чтобы за мной,
Как в садике, пришла бы вдруг мама,
И кто-то сказал бы мне: «За тобой!»

Я тут же бы встал, тут же бросил работу,
Коллегам язык показал б вот такой!
Вприпрыжку бы выскочил я за ворота,
Маму за ручку, и вместе – домой!

Песня одна озаряло все детство,
Смысл этой песни дошел до меня:
Пусть будет солнце, пусть будет небо,
Пусть будет мама и пусть буду я!

«Жирафчики»

На самом деле «жирафчики» – это совсем не смешно, несмотря на веселое детское название. В восьмидесятых годах благословенного и страшного двадцатого века в Соединенных Штатах Америки вообще-то было много хорошего, в том числе и довольно-таки мощное движение «Жираф», члены которого занимались различного рода социальной деятельностью, как то: помощь инвалидам, выхаживание наркоманов, работа в детских приютах и прочая хорошая нужная работа. Наш идейный вдохновитель – моя матушка – был лично знаком с предводителями этого движения, так как умудрился ещё пару лет назад попасть в Америку, а это было немислимо! Она впитала идею «жирафства», как сухое дерево воду, и ни много ни мало организовала на базе опять же нашего класса нечто подобное американскому движению «Жираф» – может быть, с меньшими масштабами, но уж точно не с меньшим самоотречением и искренностью. А почему именно «жираф», так это потому, что он большой и с длинной шеей и ему, стало быть, виднее, кто попал в беду и кому нужна помощь.

Поскольку в американское движение «Жираф» входили в принципе взрослые люди, на худой конец студенты, а мы были еще детьми, да и дабы избежать плагиата, мы стали называться «Жирафчики». Вроде как – тоже жирафы, только еще

маленькие. Очень хорошая, добрая идея... Очень нужная... Честная... Одна из тех, которых так не хватает сейчас.

Мы взяли под свой контроль наш местный дом престарелых. И как-то так получилось, что не для галочки взяли – мы правда верили в то, что делали, и вкладывали в это душу. Мы ходили в этот дом по два-три раза в неделю, а то и больше. Среди стариков и инвалидов, вынужденных доживать свою жизнь там, у нас уже было полно друзей, а персонал этого интерната, сначала принявший нас за бездельников, которым всё это скоро надоест, проникся в конце концов к нам уважением и даже некоей любовью и не то что не чинил нам препятствий, но даже начал приветствовать нашу работу.

Интересно, но прошедшие тридцать лет начисто стерли из моей памяти имена тех, над кем мы держали шефство, но не стерли их внешний вид, особенности поведения и характеры. Видимо, тогда имена были ещё не так важны для нас, как человеческая суть. Народ там был всякий – дедульки и бабульки, брошенные родственниками и не имеющие таких, доживающие свой век и вполне ещё себе бодрые, совсем обездвиженные инвалиды и просто старики...

Был там один неопиcуемый персонаж – физик-ядерщик. Совсем сумасшедший! Мы такое видели тогда, конечно, в первый раз! Может быть, поэтому никто из нас не стал ученым... У человека не совсем ещё преклонных годов очень основательно поехала крыша, скорее всего именно на поч-

ве науки. Он на самом деле был физиком-ядерщиком, я это знаю точно, потому что он показывал нам диплом коричневого цвета, выданный какой-то высшей профессорской комиссией, о присвоении ему какого-то очень высокого научного звания. В тумбочке у него в стеклянной банке с металлической закручивающейся белой крышкой хранилась монета неизвестной валюты, нелепого для монеты размера – раза в полтора больше советского железного юбилейного рубля, и выполненная из невиданного металла какого-то космического оттенка. Профессор уверял нас, что эта монета сделана из празеодима, что подвигло-таки нас заглянуть в таблицу Менделеева, и, что удивительно, мы обнаружили там этот элемент, но разбираться с тем, можно ли из него сделать монету, да и попросту с тем, металл ли это, мы уже не стали. Мы почему-то загодя окрестили этот элемент радиоактивным, а одному из наших друзей из параллели по имени Вадим дали не прижившееся, впрочем, прозвище – Презервадим. Профессор рассказывал нам о своих знакомствах и говорил, что он скоро купит здесь целый этаж, а в свою инвалидную коляску интегрирует мотор от «Жигулей». Он также показывал нам бумажный стакан из «Макдоналдса», который ему привез кто-то из его импортных друзей, чем лишал нас последнего недоверия к его басням.

Были деды, которые просто очень радовались, когда видели нас, и пытались успеть рассказать нам своими срывающимися старческими пищащими голосами хоть что-то о сво-

их гигантских жизнях гипербореев, показывая нам следы от ножевых и огнестрельных ранений, полученных ими в ходе мероприятий по спасению мира на Земле. Были бабульки – как правило, уже совсем невменяемые. Были безобразные по своему физическому состоянию и потрясающе прекрасные и трогательные по своей внутренней духовной наполненности пожилые – да что там пожилые! – старые пары. Много кого там было...

Был ещё один. По возрасту совсем не подпадающий под смысл названия дома престарелых, так как было ему лет сорок пять – приблизительно столько же, сколько мне сейчас. Потрясающий мужик! С напрочь отказавшими ногами. Он был когда-то водителем-дальнобойщиком старой закалки: объехал весь Союз, знал, по-моему, всё, был очень веселый, образованный и интересный человек. Из его рассказов я так понял, что он по пьяни упал с балкона третьего этажа, и у него что-то случилось с позвоночником, в результате чего ноги у него перестали работать, и сделать с этим ничего уже не могли. А может, и не по пьяни, а ремонтировал на том злополучном балконе что-то. Теперь это уже было не важно. Теперь он лежал или полусидел на своей кровати и делал невероятные по красоте и сложности исполнения терема и целые дворцовые комплексы из спичек! Он ел облепиху, чтобы, как он говорил, поднять свой гемоглобин, а ветки от неё складывал в свой ночной горшок, который сам бы уже никогда не смог за собой вынести. Мне он как-то ска-

зал, что сколько он ни ездил мимо этого места (а окна из его палаты выходили на старое Симферопольское шоссе, проходящее через наш город), а знать не знал, что тут есть этот интернат. Думал ли этот лихой водила контейнеровоза, способный, сутками не смыкая глаз, вести здоровенный грузовик по самой здоровенной в мире стране, что он окажется здесь и будет смотреть на серую стрелу шоссе уже не через лобовое стекло кабины тягача, а из окна палаты дома престарелых?! Уверен, что не думал.

От него всегда просто несло оптимизмом, и мы с Митяем всегда заходили к нему к первому и очень любили наши встречи. Не знаю, что ему было за счастье общаться с нами, но мы, как могли, помогали ему, принося ему разнообразие, общение и запах улицы и его любимой дороги, а он каким-то чудом нам не завидовал. Мы же заряжались от него жаждой жизни. Во как! Огромный был мужик – не по размеру, а по душе и силе воли.

Улыбка сильных

Боксер, бывает, на ринге сражаясь,
Нет-нет да пропустит удар очевидный,
Но, через искры из глаз улыбаясь,
Волей прикроет провал свой обидный.

Солдат в окружении – вот незадача...
Но в роте их не учили сдаваться!
И он, улыбаясь своим неудачам,

Будет снова пытаться прорваться.

Утро за утром, как стоик тот самый,
Мучается за пианино девчонка,
Но через слезы с улыбкой упрямой
Всё же осилит она учебу.

Бывает и так, что всё исчезает —
Деньги, здоровье, заслуги, карьера,
Но улыбнется тот, начиная
Новую жизнь раз эдак в сто первый.

И не всегда, когда огни гасли,
Мир накрывал сразу саван пыльный,
Улыбка ведь не всегда значит – счастлив,
Часто улыбка значит, что – сильный.

Митяй

Митяй – это мой друг. Как оказалось – друг навсегда. Если бы не наступила уж действительно взрослая жизнь и не произошли все те события, которые произошли, то мы были бы, конечно, до сих пор всё так же бесконечно вместе. Но жизнь шла, а мы выросли, точнее – учились быть взрослыми, оставаясь на самом деле такими же пацанами, как раньше, но... не будем больше об этом. Мы и сейчас с ним друзья, и он до сих пор Митяй, только мы теперь друзья в каком-то несколько взрослом, а не в том изначальном детском всеобъемлющем смысле, который я всегда вкладывал в это понятие. А вкладывал я, как показала жизнь, слишком много, в результате чего очень много отдавал. Получал я, конечно, тоже очень много, но ждал в ответ еще большего, стараясь при этом ещё больше отдать. Да что греха таить, я и сейчас, по прошествии тридцати лет, болен тем же максимализмом, который, наверное, мешает мне жить. Спасибо Богу за то, что он любит меня и послал мне мою жену, которая понимает, чувствует и прощает мне меня и мое затянувшееся детство!

Но тогда впереди была бесконечная только что начавшаяся жизнь и не было никаких сомнений. Время тогда не имело ценности и поэтому текло медленно, а сейчас наши с Митяем отношения, я уверен, просто решили побыть взрослыми

и немного отдохнуть от нашего переполненного событиями детства. Я уверен – они просто ждут своего очередного нового взрывного витка.

Митя Меркулов появился в моей жизни строго в мой день рождения, когда мне исполнялось шесть лет. Он принес мне в подарок маленькую пластмассовую машинку-грузовичок с оранжевым кузовом и желтой кабиной. Я очень остро помню наше знакомство. Он был гораздо менее застенчивый мальчик, чем я, и сразу нашел со мной общий язык, начав объяснять мне, как надо приделывать в кузове этого грузовичка на пластилине магнитик, чтобы концом другого магнитика, как я теперь понимаю – однополярным, толкать этот грузовичок вперед. Так мы и подружились.

Был на том моем дне рождения и старший брат Митя, который подарил мне какой-то невиданный мною доселе конструктор – некий прототип современного «Лего», но с очень мелкими деталями. А потом я узнал, что Костик, так зовут Митяева брата, несколько месяцев мечтал об этом конструкторе и всеми силами мозжил его у родителей, выполняя все драконовские установки на хорошее поведение и оценки в школе, а когда, получив наконец вожаденную сумму, вернулся из магазина с долгожданной выстраданной покупкой, то узнал, что они идут на день рождения к какому-то неизвестному мне, а ему нечего было мне подарить. Костя подарил мне этот конструктор. Просто так: мне – мальчишке, которого он никогда раньше не видел и даже не знал о его су-

ществовании. Ну и как я мог не ценить после этого дружбу?!
Как я мог не возводить дружеские чувства в ранг святости?!

Таким образом, наши с Митяем родители познакомили нас с ним, и ровно с того момента мы были не разлей вода. В самом лучшем и прямом смысле этого выражения! Мы очень гордились нашей дружбой и шли по жизни вместе. Ну, любой жизненный процесс движется по некой синусоиде, а жизнь, как известно, штука длинная, так что мы с Митяем ещё прогуляемся по ней нашим тренированным тандемом.

Братьям

Прошли через многое мы,
Мы созданы как мужчины,
Сильны мы, честны и тверды,
Со львами часто сравнимы.

Но, даже если ты лев
И образ могуч твой и свят,
Сквозь гимнов победных напев
Тебе все равно нужен брат!

А братство к чему ведь ведет,
И это никто не отнимет —
Что если один упадет,
То тут же другой поднимет.

Нам ведомы, как сто грамм,
Отваги вкус и долг чести,

Но радость доступна нам
От дел, что мы делаем вместе!

И жизни поток убедил —
Покуда жива Мать-Земля,
Великий – кто положил
Живот свой за други своя!

Старт

«Пазик» запустил мотор, с неповторимым звуком захлопнул двери, с типичным, свойственным только «пазикам» бормотанием включил передачу, тронулся с нашей площади и покатил в сторону Москвы.

В детстве время в пути вообще протекает по-другому, а когда ты не знаешь дорогу, по которой едешь, впереди тебя ждет полет на самолете на Дальний Восток, а потом – месячный вояж на поезде в обратном направлении с остановками в каждом крупном городе, где ты будешь не просто путешественником, а частью важного гуманитарного, как сейчас говорят, проекта... да всё это – в учебное время!.. О чем тут можно говорить?! В груди жило некое такое чувство, которое мне удавалось поймать несколько раз впоследствии, став взрослым. Я называю это чувство – чувством абсолютного счастья. Это какое-то светлое газированное, в меру сладкое лёгкое парящее ощущение свободы, полета, ощущение того, что возможно всё, и того, что всё будет хорошо. Это какое-то качественное полное ощущение времени, ощущение того, что ты на сто процентов живешь, живешь в этом времени здесь и сейчас, что так и надо жить, что ошибок ещё мало, что ты – при любимом деле, а впереди – дороги, встречи, умелое выпутывание из сложных ситуаций, выступления, победы, друзья, любовь...

Мы загрузили багаж, коего было много: личные вещи, театральные реквизит и тому подобный скарб, расселись по мягким скрипуче-удобным, обтянутым вишнево-коричневым дерматином сиденьям и принялись корчить из себя путешественников и жить в ощущении чуда. За окном мелькал октябрьский подмосковный пейзаж, а на сиденье, расположенном через проход от нашего с Митяем, сидел дядя Миша, отец Митяя, и рассказывал в своей вечно-веселой молодцеватой и какой-то защищенно-добро-уверенной манере, как он служил на Дальнем Востоке и видел Байкал, Читу и Улан-Удэ. И мы, развалившись на сиденье и слушая вполуха, понимали, что скоро увидим всё это собственными глазами, так как уже через сравнительно небольшое время самолет доставит нас в Хабаровск...

Свежий старт

Мне надо вдохнуть запах солнца,

Мне надо вдохнуть запах света,

Как первый луч пронесется

Над неповторимой планетой!

Как кофе кого-то будит,

И день лишь тогда задается,

Так же и мне полной грудью

Надо вдохнуть силы солнца!

Глазами напиться чуда
Преображения мира
И ощутить ниоткуда
Легкую бездну эфира!

Новую жизнь начинаю
И, наслаждаясь тишиною,
Окно распахнув, я вдыхаю
Солнечный свет всей душою!

И вот кровь моя разогрета,
По венам струится азарт:
Новорожденный день – это
Очередной свежий старт!

Дядя Миша

Дядя Миша был токарем. Причем таким токарем, без которого легко мог бы остановиться производственный процесс нашего градообразующего оборонного предприятия, в котором работало большинство наших родителей. Если без многих инженеров, начальников отделов и прочих руководящих работников этот институт, да и вообще весь советский ВПК вполне могли бы обойтись, то о дяде Мише сами же эти инженеры, начальники отделов и прочие руководящие работники говорили совсем другие слова. Он был мастер, мастер от Бога. Уж не знаю, какие чудеса он творил на работе, колдуя на своем станке, но я видел, как он трудился по квартире, делая ремонт, или как он строил дом на даче, создав, например, «с нуля» винтовую лестницу на второй этаж по самодельному чертежу, который он, с позволения сказать, начертил от руки на коленке, сидя и перекуривая на крыльце. Лестница, как и всё, что он делал, получилась супер и даже не скрипела! Делал он всё, как оно казалось, вообще без какой бы то ни было подготовки – в общем-то, как говорится, топором, как-то лихо, удало, легко и весело, а получались шедевры.

Я с детства знал и любил такой тип мастеров, да и просто работяг, поскольку всегда с удовольствием наблюдал за работой своего любимого деда Лёши – столяра-краснодеревщи-

ка, старшего мастера лесной и деревообрабатывающей промышленности, мастера золотые руки – помогал ему и учился у него правильно держать в руках ножовку или молоток, рубанок или стамеску... Дед мой работал истово, на бешеной скорости, не замечая ничего вокруг и ни на что не отвлекаясь ни на секунду – такая уж была школа. Его рубашка дымилась от пота, и её, когда он наконец заканчивал свое очередное творение, можно было в буквальном смысле выжимать.

Дядя Миша же работал тоже очень быстро, не халтурил и не тормозил процесс, но он работал как-то озорно, как-то в кайф и как-то, как казалось, без напряжения. На него было просто приятно смотреть, и это, по-видимому, его не напрягало. С любым его зрителем – малолетним ли, взрослым ли, мужчиной ли или женщиной – он всегда находил о чем поговорить, что спросить, какую историю рассказать... Умел слушать. Не был он идеальным, нет – и поддать любил, и в морду дать мог, причем качественно – благо боксером был по молодости. Был, кстати, единственным из реально уважаемых мною мужиков, кто курил. И он же, единственный из всех, позже практически перестал со мной здороваться, когда узнал, что я сам начал курить. Но это потом, а сейчас мы дружили семьями и просто так. Здорово с ним было, разница в возрасте не чувствовалась, авторитет свой он ничем не старался подтвердить ежедневно – он просто у него был. Мы, пацаны, очень его любили. Он был нам как старший брат, что ли, или как опытный друг. Он как-то ничего не боялся,

много в своей жизни повидал и много знал. Когда он появлялся в компании, то праздничный стол или просто группа людей, стоящих на улице, сразу оживали, хотя он не блистал модными шутками и не сыпал новостями из газет. Ну и, естественно, дядя Миша был одним из немногих родителей из нашего класса, которые провожали нас тогда в аэропорт. По-другому и быть не могло.

А через четыре года я, когда услышал звонок и открыл входную дверь, увидел на пороге нашей квартиры Митяя с каким-то газетным свертком в руке и почему-то сразу подумал очень плохую тяжелую мысль. Митяй, впрочем, её и подтвердил через секунду.

– Привет, – сказал он.

– Привет, – сказал, я.

– У меня отец погиб, – сказал он.

Что я сказал, я не помню. По-моему, что-то типа «Как же так?» или «Этого не может быть!», короче, ерунду какую-то, а может быть, ничего не сказал. Помню точно, что в прихожей на тумбочку сел, это было. А Митяй говорит: «Вот так вот... Дядя Миша...» В свертке были завернутые в газету тапочки для дяди Миши, и шел Митяй, понятно куда...

Время тогда просто совсем дурное стало, и даже такие суперспециалисты таких суперспециальностей, как дядя Миша, чтобы кормить свои семьи, были вынуждены уходить с заводов и из институтов. И дядя Миша ушел. Ну не мог он сидеть на шее у жены – библиотекаря из нашей школы, да

и сыновей надо было как-то в люди выводить. Вот и пошел он на железную дорогу монтером пути... Во времена нам достались, а?!! Токарь самого высшего разряда из ВПКашного НИИ пошел работать монтером пути! Ну и в результате дело путаное там какое-то получилось, что-то было связано с нарушением техники безопасности. Короче, пропускали они состав, стоя с напарником по бригаде на соседнем пути. Нарушение, конечно, но ни по какому расписанию не должно было там поезда-то быть. А он там взялся откуда-то. Говорят, старший бежал по насыпи, кричал и руками размахивал, думал, услышат они его, да куда там, когда два поезда рядом идут! Так они и болтали мирно, на лопаты опершись, а поезд-то со спины вылетел... пассажирский... хорошо за сотню шел... Там еще вираж такой затяжной между Серпуховым и Аванградом... И всё...

Хоронили мы дядю Мишу почти всем классом тогда. Переживали страшно, и я тогда так и сказал на поминках от нас ото всех, что, мол, у нас, у каждого, был свой дядя Миша и вот сегодня мы его похоронили... Как-то хорошо мне удалось тогда сказать, в общем. Пацаны сказали: «Молодец». А Митяй сказал: «Спасибо, Гринь».

А сейчас, первого октября 1990 года, мы все, включая и дядю Мишу, приехали в аэропорт.

Мастера

Сегодня, раз, наверно, в двести первый,
Опять смотрел тот фильм я, «Экипаж».
Опять садились мне они по нервам,
И снова колотило меня аж.

В кабине, в фильме, летчики сидели,
Судьба, у каждого из них, своя была,
Но вместе, как один, они летели!
Да, это точно были мастера!

В кино показана отважная картина,
Там создан образ, пойман верный кадр,
В актерах жизни видится витрина,
А снять тот фильм ведь тоже нужен дар.

Сыграть чтоб жизнь, жить надо с пониманьем
Всех тонких граней зла, любви, добра...
И чувствую я всем своим сознанием,
Что фильм тот сняли тоже мастера!

Был в Феодосии недавно в галерее —
Той самой, где великий маринист
Жил, пребывая в мастерства творенье,
И мир в картинах его был лучист!

А у нас тоже, в местной автобазе,
Был парень, что талант свой проявил —
Он нереально ездил на «КамАЗе»,

Что не было сомнений – мастер был!

У друга батя был – великий мастер дела
Металлообработки на станках.

Когда работал он, любого душа пела,
Поскольку мастерство тот наблюдал!

И всадники – друзья мои с походов,
Джигиты, конкуристы, казаки —
Талантов ярких бесконечность всходов
И мастерства великого штрихи!

Из ДТП ужасного спасая
Остатки человека одного,
Уверен был я – он дошел до края,
Вершащего всё в жизни, своего.

Но повезло бедняге несказанно —
В больнице мастер на дежурстве ждал.
И этот мастер кровью перемазал
Аж полбольницы, но его собрал!

Учитель школьный в класс глядит в волненьи,
Не спит над планами уроков до утра —
Он мастерством рождает поколение,
В котором тоже будут мастера!

С комбайнов вечером сошли мы, как хмельные,
Нелегко труд наш, доложу я вам,

Но тот, кто видел все это, поныне
Завидует нам – поля мастерам!

А дед мой, помню, так держал рубанок
В больших руках натруженных своих,
Что, будто бы из-под полозьев санок
Как снег летит, шедевры он творил!

Другой мой дед талантом ратной службы
Отмечен Богом был через века —
Он мастерски владел любым оружием,
Был командиром-мастером полка!

И вот что ясно в этих наблюдениях —
Внизу идем мы, скачем ли в верхах,
Не важно, где мы, важно – проявление,
Ведь держится наш мир на мастерах!

Аэропорт

Аэропорт вообще сам по себе – место магнетическое по многим причинам. Во-первых, он неразрывно связан с путешествиями, а что может быть волнительнее, особенно для молодежи, которая за каждым поворотом дороги-то ждет чего-то нового и счастливого? А тут – целый аэропорт и предстоящий головокружительный перелет, и столько всего потом! Во-вторых, аэропорт связан с путешествиями на самолете, а самолет тогда для нас был самым непревзойденным, самым необычным, редчайшим видом транспорта. Я-то летал с шести месяцев от роду, так как родился в Оренбурге, а жил в Подмосковье, вот и сновал туда-обратно по небу к бабушке и дедушке на лето, то есть минимум два раза в год, и то всегда что-то в душе моей от ожидания полета зарождалось и поднималось. А многие-то из нас никогда и не летали вовсе. Митяй вот, например, вообще самолет до этого только по телевизору и видел. В-третьих, необычно же всё вокруг – и ленты багажных транспортеров, и кассы билетные, кафе аэропортовское, стюардессы проходят... Да что там стюардессы! В аэропорту даже туалет особенный! В киосках газеты продают; народу всякого полно – все либо посадки на рейс ждут, либо прилетели только что, либо спят в креслах в ожидании чего-то; табло прилета-вылета названия городов пишет; представители разных аэропортовых служб снуют;

экипажи горделиво проплывают в синей форме-то; по радио что-то объявляют таким необъяснимым голосом; а за стеклянной стеной стоят на стоянках, взлетают, садятся и рулятся самолеты! Восторг!

Путешествия всегда род людской будоражили. Всегда людям не сиделось на месте, хотелось посмотреть, а что там за холмом, за поворотом реки, за тем лесом... Может быть, дело в том, что мы вечно ищем, где лучше, так как знаем, что хорошо там, где нас нет? Но ведь мы также знаем, что стоит нам куда-то переехать, как в этом месте мы сразу начнем быть, значит, хорошо там уже не будет, а станет хорошо в другом месте, где нас нет. Или уже нет. То есть хорошо в этот момент может запросто стать там, откуда мы только что приехали, так как нас-то там уже нет, и где было плохо, поскольку до этого мы там были. В себе надо проблемы искать, в себе... а не в той местности, где нам приходится находиться. Говорят же, что можно объехать весь свет в поисках чего-то и найти это, лишь вернувшись домой. Может быть, поэтому так и ценны именно командировки, отпуска, краткие вылазки куда-то, путешествия, одним словом. Ведь они – не переезд, а визит в другую жизнь, где нас как бы нет. То есть мы там как бы есть, но мы там – гости, мы там – экзотика, мы там временно... И, может быть, именно от реального ощущения временности своего присутствия мы начинаем так остро чувствовать всё, что нас окружает, и всё, что с нами происходит? А ведь жизнь наша – тоже штука временная,

а мы, живя её, ничего не чувствуем и воспринимаем все как рутину и тягомотину. Может быть, надо всё это просто осознать да и радоваться каждому дню?

Не знаю я точных ответов на эти вопросы. Зато точно знаю, что тогда нас такие размышления не сильно занимали, хотя ребятами мы были мыслящими и о философии жизненной задумывались. Мы тогда просто ещё не разучились просто жить. Не разучились чувствовать время, вот оно и текло медленно. Хотя, на самом деле, ничего мы тогда не «не разучились», мы просто не знали, что бывает по-другому. Не накопилась тогда ещё груда ошибок, обид, пощечин и пинков, не отработались до автоматизма привычные ежедневные движения, не было ещё всей этой бездны мыслей, обязанностей и тревог...

И надо же как нам повезло! В таком идеальном возрасте – вроде не дети уже сопливые, но и душа ещё не ожирела, не огрубела и была ещё полностью открыта для всего – попали мы в этот Поезд.

Я помню время

Я помню время, когда мы чудили,

Не оскорбляя притом ничьей чести.

Я помню, когда в самолетах курили

Не в туалете, а прямо на месте.

Я помню, что мы лежачих не били,

А если упал кто, то поднимали.
Девчонкам, стесняясь, цветы мы дарили,
В записках вниманием их донимали.

Без шлемов носились на велосипедах,
А жизнь познавали в трудах и ошибках.
Кроссы сдавали в обычных кедах
И искренни были в словах и улыбках.

Я помню, в вагоне метро спозаранку
Все, как один, носы в книги уткнули.
По радио утром помню зарядку,
Пока на востоке лучи не блеснули.

Я помню печенье в кульке из бумаги,
И лимонады в бутылках стеклянных,
Два раза в году на углах домов флаги,
Солдатиков помню своих оловянных.

Я помню, что мы не считали расходы,
И помню я, для чего бигуди.
А главное – помню чувство свободы
И радости беспричинной в груди.

Теперь же мне всё по ночам это снится,
Как запах от ленинградской гитары.
И молодежь никуда не годится!
Боже мой, неужели я старый?

Поезд милосердия

Маршрут поезда, который должен был провести нас через всю нашу необъятную ещё тогда Родину, был не простым. Это был сногшибательный невероятный по нынешним временам проект. С ног он сшибал своими масштабами, а невероятным был в первую очередь потому, что создан был не ради денег, а на чистой воды энтузиазме. Как всё это было возможно сделать, я не сильно понимал и тогда, а уж сейчас, когда я задумываюсь над всем этим уже взрослыми мозгами, я просто не могу осознать ту бездну труда, энергии и огня, который должен был жечь изнутри организаторов этого поезда, раз они смогли все это свершить.

Поезд наш, конечно, имел на железной дороге какой-то номер и всё, что там полагается для поездов, но именовался как «Поезд милосердия». Его задачей было проехать через весь Советский Союз, а тогда всё, что мы в результате проехали, ещё и было Союзом, с востока на запад – от Владивостока до Риги с остановками по два-три дня в каждом крупном городе, расположенном на его пути. Остановки эти планировались не забавы для и не развлечения ради, а для разного рода добрых дел. Основным добрым делом нашего поезда был сбор по всей стране гуманитарного груза для пострадавших от аварии на Чернобыльской АЭС и спасателей, которые работали там и потеряли здоровье. Для этой цели в

хвосте нашего состава шел грузовой вагон и даже дополнительная открытая платформа.

Не было города на нашем маршруте, который не откликнулся бы на наш призыв! Где-то городская администрация брала вопрос выделения гуманитарного груза под свой централизованный контроль, где-то эту почетную ношу взваливали на себя трудовые коллективы, а где-то к нам подходила ветхая бабулька и протягивала баночку собственноручно сваренного варенья из собственноручно же выращенных и собранных на огороде ягод. Милосердия было много, и оно было разным.

В результате, когда мы, проехав всю страну, прибыли в Минск, передали представителям нужной организации для дальнейшей отправки в Гомель и Могилев десять тонн гуманитарного груза! По нынешним временам вряд ли кого-то можно поразить цифрой десять тонн, но те десять тонн, что мы довезли, не имели цены. Они были бесценны по своей природе, и их невозможно было подогнуть ни под одну из известных мер весов. Эти десять тонн были сложены из граммов и килограммов человеческого небезразличия, которое мы в избытке встретили, переезжая из города в город. В эти десять тонн входили труд простых людей и их умение страдать за других. Кто, например, из живущих в Хабаровске видел Чернобыль? Его никто не видел! От Хабаровска до Чернобыля дальше, чем от Хабаровска до Вьетнама, причем прилично так дальше – раза в полтора. Но простой народ из

этого дальневосточного города приносил, привозил и отдавал то, что мог. Сейчас, конечно, это кажется невероятным.

Когда мы прибыли в Минск и из Гомеля приехала машина для того, чтобы забрать доставленный нами груз, то отправить его удалось только на следующий день. Причина оказалась проста – никто в Гомеле не мог представить, что всё это будет настолько по-настоящему и что мы привезем целых десять тонн. Они приехали на «газике», который мог взять на борт груза где-то только под тонну. Когда ответственные за дальнейшую доставку груза представители оценили масштабы, то они, я уверен, испытали двойственное чувство: с одной стороны, им было очень неудобно за то, что они не верили в нас, людей, а с другой – они были счастливы, что ошиблись. Они вернулись на следующий день на двух грузовиках и увезли собранный и доставленный нашим поездом груз. Причем сама отгрузка произошла очень буднично и по-деловому, без митингов, телекамер и речей, и мы обратили на неё внимание лишь потому, что в то же самое время загружались в автобус для нашей очередной поездки в очередное место скопления боли и скорби. Не было тогда в таких делах помпы. Не было, и всё тут.

Сбор гуманитарного груза был, конечно, делом администрации поезда, мы там были задействованы на уровне помощников и грузчиков. Основным же нашим делом была «жирафская» работа. В каждом городе мы посещали всё те же дома престарелых, больницы, детские дома, приемни-

ки-распределители для малолетних бездомных беглецов – почти преступников – и тому подобные места. В наши обязанности входили встречи с инвалидами, ветеранами, безнадежно больными и брошенными людьми для того, чтобы внести в их беспросветные судьбы хоть какой-то лучик тепла, доброты и помощи. Мы играли для них спектакли, так как вся наша группа занималась в театральном кружке в нашей музыкальной школе у потрясающего педагога и человека большого жизненного пути Абарбанеля Владимира Александровича. Мы проводили с ними серии братаний, суть которых заключалась в произвольном выборе объекта братания, знакомств с ним и разговора по заданным вопросам, переходящего в разговор по душам. Многие из нас ещё долго переписывались со своими побратимами со всей страны, пока хаос нового времени окончательно не разметал всё и вся. В паре с нами работал творческий коллектив из города Кемерово «Русская песня» – ребята и девчонки не сильно и сильно постарше нас, выступавшие с народными песнями и танцами. Вместе с ними мы давали концерты и присутствовали на официальных встречах, проводимых во Дворцах культуры каждого города. Кроме всего этого, мы способствовали и принимали участие в делах, имевших реальный осязаемый результат. Например, в Свердловске администрации нашего поезда удалось добиться от местных властей поставки аппарата «искусственная почка» для местной больницы, в которую мы наносили плановый визит и узнали, что прибор

этот, как воздух, нужен сильно больной девочке. Все вместе добивались мы решения и таких, казалось бы, пустяковых и бытовых, но таких важных и, как выяснилось, без нашего вмешательства не решаемых вопросов, как, например, замена водопроводных и канализационных труб в интернате для глухонемых детей в Чите.

Сами мы мало чего понимали, конечно, в сложностях и тонкостях искусства бюрократических согласований и всей массы титанической взрослой работы, которую вело наше руководство, но зато мы всей душой выкладывались на том участке, который был вверен нам.

Увидели мы тогда очень много чего, и среди этих видов были не только непередаваемые по своей красоте пейзажи нашей огромной страны и панорамы городов, были там ещё картины сломанных судеб, несчастного детства, брошенной старости, ужасы болезней, черные души, убитая вера... Мы всё это видели и пытались помогать и бороться. Мы верили в милосердие и чувствовали себя частью большого светлого дела, чувствовали себя нужными, от нас был толк, и это было хорошо.

Поезд наш был создан в рамках и под эгидой Ордена милосердия и социальной защиты имени Академика Андрея Дмитриевича Сахарова. В смысле, не сам поезд, а этот наш грандиозный рейс. Физически-то поезд как транспортное средство был, конечно, создан на вагоно- и локомотивостроительных заводах, а вот идея поезда была воплощена

в формате именно этого Ордена. У того сумасшедшего физика-ядерщика из нашего домашнего подшефного дома престарелых, кстати, над кроватью висел портрет того же Сахарова, которого он называл своим учителем. Интересное совпадение.

Нам всем были розданы специальные значки этого Ордена. Значки были круглые, сантиметров пять в диаметре, выполненные в двух цветах – голубом и бежевом, какие-то глянцевые и приятные на ощупь. Очень красивые и очень лаконичные по своему исполнению. Мы все их гордо носили. Как ордена.

В общем, мы были такие социальные жирафо-спасатели. Жирафо – потому что были «жирафчиками», участвуя в подхваченном и перекроенном моей мамой на наш лад американском движении «Жираф», а спасателями – потому что спасали людей, если не физически, вытаскивая их из-под завалов или вынося из горящих домов, то, отводя им, как говорится, душу, даря тепло и просто слушая... С тех самых пор мы все знаем, что чувствует человек растоптанный и окончательно сломленный. Также мы знаем, что для того, чтобы удержать такого человека от последнего шага, часто его надо просто послушать.

Люди

С одной заложницей удела

Знаком был я. Она в тоске.

Два дома женщина имела:

На Кипре домик и в Москве.

Иной бы радовался жизни,
Но сокрушалась она вся,
Толкуя вечно с укоризной,
Что жить вот так совсем нельзя.

«Жизнь на два дома – право, пытка, —
Все время сетует она, —
Сную, как за иглой нитка,
Из дома в дом. Всё – суета!»

А где-то по соседству с нею,
Согрев лицо свое котом,
Пытался спрятаться от снега
Бездомный нищий под мостом.

Другая женщина всё утро
Кричит на дочь свою подчас:
«Ты вновь меня не слышишь будто!
Пойди, умойся сей же час!»

Не слушает её ребенок,
Все норовит бежать, играть,
За телевизор сесть спросонок
Или все время всем мешать.

Так мучается она, снова
Дитя пытаюсь воспитать,

Другая ж жизнь отдать готова,
Лишь бы назвали ее «мать».

Мужчина видный, благородных
Манер исполненный вполне,
Все сетует в кругу подобных,
Что в жизни он не на коне:

Нет на работе повышенья,
Машине третий год пошел,
Не нравится жены варенье —
Похоже, он не ту нашел,

Костюму новому сегодня
Помял в шкафу он рукава,
И телефон уже не модный,
И вот просрочились права.

Не жизнь, а каторга! Похоже,
Он четко это уяснил,
А в это время средь прохожих
В коляске парень прокатил.

Придя с войны без ног обеих
И с тяжким грузом на плечах,
Улыбку – ту, что нет нежнее,
Дарил он солнечным лучам!

Шла женщина к мосту над речкой,

Воображая, что она
Идет с девчоночкой беспечной,
И вместе с ней идет семья.

Мечты ее не исполнялись,
Но под мостом, деля бушлат,
Лучам сквозь дождик улыбались
Бездомный нищий и солдат.

Задержка рейса

Меж тем вылет нашего рейса тогда, первого октября 1990 года, задержали. Но задержали его не по какой-то там банальной причине, вроде нелетной погоды или неготовности воздушного судна. Судно было готово, кстати, по первому разряду! Это был «Ил-86», такое ощущение, что только что с завода. Я за всю свою жизнь больше никогда не летал на таком суперсамолете. А задержали наш вылет потому, что мы... долго пели.

В этот нелегкий, но кружащий голову поход, нас, наряду с прочими, провожала солистка, лидер и основатель кантри-группы «Рыжая трава» Лариса Григорьева. Наш отъезд был делом почти государственного масштаба, и шереметьевское начальство разрешило телевидению снимать наши проводы. Каким чудом Ларисе и её гитаре, не будучи пассажирами нашего рейса, удалось, проникнув на борт самолета, задержаться там на время, сильно превышающее отведенные лимиты, неизвестно, но факт того, что наши проводы, происходившие под эту гитару непосредственно в салоне «Ила», отложили взлет ровно на час, остается фактом наших биографий.

Нам желали счастливого пути и удачи на нашем нелегком, но нужном и интересном поприще, и мы дружно пели «впе-

реди туман, позади туман, на груди, как пламя, бьётся мед-
ный талисман» до тех пор, пока экипаж не осознал, что на-
стала пора для самого решительного вмешательства в проис-
ходящее, не пресек всё это, не выпроводил провожающих и
не вызвал для разбирательств к себе в рубку наших старших
– мою маму и Тамару Васильевну.

Железнодорожные мысли
За окнами мерцает кутерьма,
Я еду в подмосковной электричке.
Хибарки, полустанки, терема
Сменяются в пейзажах симпатичных.

Железная дорога, как река,
Течет, переливается, сверкает.
И также, пробиваясь сквозь века,
Календарями наша жизнь мелькает.

Вокзал с платформой, как этап судьбы,
В котором нам назначено свиданье.
Остановился, обновил мечты,
И снова продолжается скитанье.

Навстречу громко поезда летят,
Свистками о себе оповещая,
Как судьбы встреченных людей горят,
Воспоминаньем память освещая.

Колеса мерно отбивают ритм,
Их метроном надолго не смолкает.
Мы стиль меняем, отдыхаем, спим,
А наше сердце отдыха не знает.

Сквозь ночи, дни, жару, дожди, снега
Локомотив вагоны мерно тянет,
И мы идем вперед через года,
Росток упрямства нашего не вянет.

Как луч с кабины пробивает мглу,
В котором видим мы поля, леса, обрывы,
Так жизнь ведут вперед сквозь темноту

Людских сердец прекрасные порывы!

Тамара Васильевна

Тамара Васильевна Спиридонова – очень интересная колоритная личность. Женщина фактурная, и энергии у неё на кавалерийский эскадрон. Такая же искательница приключений и неутомимый романтик, как наш классный руководитель, да и, чего греха таить, в той или иной степени, все мы. Для полноты картины скажу, что судьба у Томика, а именно так Тамара Васильевна не просто позволяла нам себя называть, а даже настаивала на использовании этого прозвища, не простая, а поприще педагогическо-культурного толка. Наш человек, одним словом!

Тамара Васильевна, будучи учителем истории, в те времена директорствовала в расположенной под Подольском музейной усадьбе Ивановское, которая, поскольку дружили мы и сотрудничали очень плотно, часто использовалась в качестве площадки для наших сборищ, коих было великое множество и разнообразие. Как они нашлись с моей мамой, как сдружились и как начали сообща трудиться на почве превращения подрастающего поколения в людей, никто из нас уже никогда не вспомнит, но то, что Тамара Васильевна частенько оказывалась в самом эпицентре наших мероприятий самого разного масштаба – это все мы будем помнить всегда.

Мы проводили встречи со своими многочисленными побратимами у неё в Ивановском, вместе учились лепить из

глины дымковскую игрушку, от чего-то спасали наш городской парк, возрождали подростковый клуб «Каскад» и много чего ещё...

А когда-то, по-моему, через год после описываемых событий, когда мы отправлялись в международный круиз по Волге до Нижнего и обратно, то факт того, что освободилось одно место на борту белоснежного красавца лайнера «Сергей Есенин», стал известен в тот момент, когда уже убирали трап. Тамара Васильевна тогда провожала нас и находилась на пристани в опасной для теплохода близости от него. Решение «я плыву с вами» было принято молниеносно – палубный матрос не успел до конца втянуть сходни на борт, а Тамара Васильевна уже стояла рядом с ним. Без сомнений, без оформления отпуска, без багажа, без зубной щетки... Во, был народ!

Ну и, понятное дело, такая грандиозная программа, как Поезд Милосердия состояться без Тамары Васильевны просто-напросто не могла.

Вперед!

Один полководец всегда говорил,
Что главное, и как это дивно,
Бой начинать без руля и ветрил,
В драку ввязаться, а там – будет видно.

Без плана война не идет никогда,

Но, несмотря на расчетов молитву,
Только в процессе атаки всегда
Истина сверху нисходит на битву.

Каждый моряк знает наверняка,
Главное – выйти из порта в море,
Курс обозначить и уж тогда
Ему не страшно никакое горе.

Корабль в безопасности только тогда,
Когда стоит в гавани среди земли.
С ним не случится тогда беда,
Но не для того живут корабли!

Летчик уверен и убежден,
Что главное – это взлететь
И, горизонт отодвинув крылом,
Вместе с моторами гимн небу петь!

А за окном непогода, пурга,
В комнате ж сухо и ноги в тепле.
Самолет в безопасности будет тогда,
Когда будет вечно стоять на земле.

В нашей природе – стремление начать,
Свойственны людям порывы души,
Верим мы – защитит Бога Мать
И не желаем томиться в тиши.

Очертя голову в омут, в огонь!
Главное – действовать, а не мечтать!
Снова эфес обнимает ладонь —
Чтоб победить, надо шпагу достать!

Как бы буранами зло ни мело,
Я все-таки верю в один прием, люди:
Самое главное – сесть в седло
И плечи расправить, а дальше – всё будет!

Взлет (время московское)

Хоть путешествие наше и началось с задержки рейса, но добро на взлет было-таки получено, и все мы наконец расселись по своим местам. Командир, конечно, поругался на нас и поугрожал нашим взрослым, что за то, что мы задержали вылет на целый час, всех нас сейчас вообще снимут с рейса, мы поизвинялись, наобещали вести себя хорошо, и проблема была решена. Тогда проблемы часто решались и так.

В восемьдесят шестом «Иле», как известно, два этажа, верхний из которых предназначен для пассажиров, а нижний – он как бы трюм. Я точно не помню, как мы добирались до самолета от здания аэровокзала – пешком ли мы шли или нас все-таки автобус привез, но помню, что в самолет мы входили не по самоходному трапу, который является автономным автомобилем с наклонно установленной на нем лестницей, а такую штуку, как телетрап – рукав, тогда можно было только в кино про границу и увидеть. На борт мы попали через штатный люк-трап – такую особую дверь, откидывающуюся прямо с самолета вниз и упирающуюся своим верхним торцом, который становился в этот момент нижним, в землю. На внутренней стороне этой двери расположены ступеньки, и ходить по этому трапу очень удобно. Багаж наш почему-то тоже доставлялся нами самими, и мы, войдя на нижнюю палубу «Ила», складывали свои сумки на расположенные там

специальные багажные полки, которые потом закрывались крупноячеистой тесемочной решеткой, и шли по лестнице на второй, жилой, этаж этой летающей крепости.

Летал я до этого много, но в восемьдесят шестом оказался впервые. Увлекаясь, как любой нормальный советский мальчишка, авиацией, я, конечно, знал о его характеристиках, но одно дело читать про этот самолет и смотреть картинки с его изображениями, и совсем другое – оказаться внутри этого чуда. Когда я его немножко осмотрел, то подумал, что вряд ли эта махина со всеми её удобствами, лифтами-подъемниками, трапами, ковровыми дорожками, тремя сотнями людей на борту и их барахлом вообще сможет взлететь. Но через совсем небольшой промежуток времени наш «Ил» разнес все мои сомнения в пыль.

Нам достался левый борт, где кресла установлены по три в ряд. Я, понятное дело, всегда любил сидеть у иллюминатора, поскольку и тогда был уверен, и уверен до сих пор, что момент взлета, когда лайнер, вырулив на полосу, сначала стоит на тормозах, выпустив чуть не до земли закрылки, раскручивает турбины, дрожа всем своим алюминиевым телом, как горячий мощный сдерживаемый всадником конь, потом трогается с места, переходя тонкую грань между статикой и динамикой, и, даря своим пассажирам этот сравнимый с невесомостью момент, берет непререкаемый неотвратимый разбег, набирает взлетную скорость и отрывается от земли – это то, ради чего все и летают! Турбины заходятся в испол-

нении своего лучшего этюда, твое сердце бьётся чаще положенного, где-то под диафрагмой оживает какой-то первородный родник с чистой ледяной водой, приведенная в вертикальное положение спинка кресла сливается воедино с твоей спиной, стыки бетонных плит полосы становятся все менее и менее ощутимы, и вот... момент отрыва – и ты больше не пешеход!

Но в этот раз мне пришлось уступить кресло у окна Митяю – он-то вообще летел в первый раз в жизни, а мы же друзья. Я же, чувствуя себя опытным авиатором, рассказывал ему про ожидающие его взлетные ощущения, а он слушал меня и ждал чуда. Чудо не заставило себя ждать долго – наш «Ил», выдав в эфир положенную в таких случаях порцию взлетных децибел и проведя для нас краткую обзорную экскурсию по лётному полю, оттолкнулся, набрав необходимую скорость, от земли и начал свой путь на восток, уходя в осеннее небо, как нож в сметану. За окном косо пошел вниз шереметьевский березняк, лайнер уверенно наращивал темп, высоту и удаление, укрепляя веру своих пассажиров в науку и технику, а Митяй, глупо улыбаясь, оторвался от окна и сказал: «Совсем не страшно!»

Мы сидели у передней кромки левого крыла, у аварийного люка, и перед нами было метра два свободного пространства и, что не могло не радовать, откидное кресло, на котором во время взлета, посадки и турбулентции сидела стюардесса, от-

вечавшая за наш отсек. А стюардесса была очень симпатичная. Митяй, как новичок, сидел у окна, я – на среднем кресле, а справа от меня, ближе к проходу, сидел не кто-то там – справа от меня сидела личность!

Наша земля

Какая же красивая земля!

Какие же красивые ландшафты!

Березы, сосны, липы, тополя,

Застывшие волшебным брудершафтом!

Какая же волшебная страна,

В себя вобравшая и север крайний,

И юга пыл, дарящий жар сполна,

И запад строгий, и восток сверхдальний!

Какие виды дарит людям степь,

Шумя травой и отражаясь в небе!

В полях волну какую гонит хлеб,

А васильки какие млеют в хлебе!

Какие виды с холма кажет лес!

В какие тайны свои посвящает!

Зовет в дорогу, полную чудес,

Кивает, ободряет и прощает!

Ручьи бегут, овраги проточив,

И поле исписав своим узором!

Озера, в себе солнце заключив,

Бликуют ярко светло-синим взором!

А горы наполняют душу сном,
Волшебным, до безумия красивым!
Урал пленяет мысль своим хребтом,
Кавказ стоит массивом белогривым!

Река течёт, рождая песен сонм,
Два берега своих благословляя,
И дремлют берега счастливым сном,
И умывается рекой земля святая!

Моря, в которых тонет солнца диск,
Волною плещут и вокруг роняют
Снопы искрящихся благословенных брызг,
Со всех краев к себе нас призывая!

И вот, деля всю эту красоту
На зоны тематических обзоров,
Дороги за верстой летят версту,
Даря нам ощущение просторов!

И мы летим! Летим средь красоты!
Среди Руси святой и необъятной!
Мы мчимся вдаль в потоках теплоты,
Сквозь сердце Родины своей невероятной!

Таргеш

Личностью, сидевшей тогда в самолете справа от меня, был Таргеш. Если по-человечески, то Алексей Торгашов, но во времена нашего детства без кличек и прозвищ было ну никак. Это сейчас, глядя на современных подростков и школьников, я с удивлением обращаю внимание на то, что они общаются между собой по именам! У нас было не так. Не беру на себя право решать, что хорошо, а что плохо, просто у нас было так, а у них по-другому. Может быть, наши обращения друг к другу и казались со стороны не вполне приличными, зато у нашего поколения всегда был индикатор того, что наше созревание состоялось. Это можно было вычислить очень просто: в этот момент мы, мальчишки, начинали обращаться к девочкам не по кличкам или фамилиям, а по именам, и это было очень волнующе. Пацаны же промеж себя общались посредством кличек всегда. Ну и Лёха не был исключением, поэтому он и Таргеш. Природа возникновения кличек была разной, но в подавляющем большинстве это всё были производные от фамилий, трансформируемые в зависимости от обстановки, особенностей моментных пристрастий и личностных характеристик того, кому давали кличку, или того, кто её изобретал. Клички в большинстве своем были необходимыми и, как правило, прилипали к своим носителям намертво.

Таргеш был гением. Он и сейчас гений, и останется гением на всю жизнь. Чрезвычайно умный парень – один из наших «академиков». Было в составе нашего класса, весьма, надо сказать, средненького, если беспристрастно оценить его по классической сухой шкале академической успеваемости, одно шикарное стихийное формирование. С точки зрения тяги к знаниям формирование это в нашем классе было сравнимо с жемчужиной в куче сами знаете чего. Группа эта, как и всё уникальное, не была большой и в штатном режиме состояла всего из трёх человек. Они подобралась и сдружились ещё в начальной школе и, будучи разными людьми, были накрепко сплетены между собой любовью к наукам. Их объединяло не только то, что они очень хорошо учились, их роднила ещё и совершенно дикая страсть к разного рода научным экспериментам. У этой троицы была гигантская испытательная лаборатория, где они проводили свои ежедневные опыты. Называлась эта лаборатория – жизнь. Они находили объекты исследования где угодно и когда угодно. Мне кажется, что, если бы мы тогда заперли их в темной, пустой, лишенной предметов и углов комнате, они и там бы нашли что изучить и познать.

Иногда к «академикам» пытались примкнуть иные личности, и иногда им это удавалось. Некоторые из них даже умудрялись задержаться в их группе на сравнительно долгое время. Но никто и никогда не стал в этой группе четвертым! К чести «академиков» надо сказать, что они никогда никому

не запрещали присоединяться к ним, но кто мог выдержать такую жизнь долго?! Поэтому так они и прошли через всё школьное десятилетие вдвоем, незблемые как три богатыря... от науки.

С Лёхой мы очень дружили. Много общались, ходили друг к другу в гости, часами болтали о самых разных вещах, и всё это несмотря на нашу диаметрально разную направленность и подготовку. Хотя мы и отличались друг от друга, как день и ночь, но что-то было в нас общего, какое-то единство душ наблюдалось. Все, конечно, со своими прибабахами были, но стержень общий какой-то был. Он-то нас и держал, как якорь. Всяко бывало, естественно, но точно говорю, дружили мы и уважали друг друга.

Вот так мы и ушли тогда в небо, сидя вдвоем и пялясь втихаря на стюардессу: слева – Митяй, справа – Таргеш, строго по центру – я, позади – Москва, а впереди – солнце и целая жизнь.

Солнце в душе
Чем больше в душе солнца,
Тем ярче жизнь вокруг,
И счастье – не в червонцах,
А в том, что жив твой друг.

И в том, что ты проснулся
И выпил крепкий чай,

И в том, что улыбнулся
Ты утренним лучам!

И в том, что твой ребенок
Здоров и полон сил,
Бежит, как жеребенок,
Средь трав, что ты скошил.

И в том, что тебя любят
И ждут всегда тебя,
И по утру разбудят,
Печали отведя.

И в том, что мама с папой
Крепки, годам назло...
Подумаешь украдкой:
«Ну как мне повезло!»

Простое то оконце
Открой, не запирай —
Пусти же в душу солнце,
И будет в душе рай!

Полет-1

Через полчаса мы уже заняли свой эшелон на высоте девять тысяч шестьсот метров, развили крейсерскую скорость в девятьсот километров в час и плотно лежали на курсе Москва – Новосибирск.

Новосибирск вообще-то, как это ни удивительно, не был в списке городов, которые мы должны были посетить за эти двадцать семь дней, но, несмотря на это, мы умудрились побывать в нём аж дважды. Нет, не было никаких аварийных, упаси бог, посадок и прочих неприятностей, всё было гораздо проще. В первый раз мы оказались там, потому что у «восемьдесят шестого» без дозаправки от Москвы до Хабаровска не получается, а Новосибирск как раз посередине, вот и стал он для нас аэродромом подскока. Во второй же раз мы побывали в столице Сибири, когда уже ехали на поезде, остановившись на пару часов для пополнения запасов провизии и угля. То есть мы знаем, как выглядят в Новосибирске его стратегически важные точки – аэропорт и железнодорожный вокзал.

Полет проходил тихо и мирно: нас, насколько я помню, за все десять часов пути ни разу даже и не тряхнуло, как следует. В «восемьдесят шестом» вообще себя чувствуешь, как на корабле или как в роскошном отеле, а в таком, который достался нам, – и подавно! Лайнер наш был оборудован

и снабжен по первому разряду. Вдоль всей плавной линии, проходящей по красивому контуру притолоки салона, были расположены лампы приятного света; кресла, впрочем, как и всё остальное, были новые; на стенах — пластиковое покрытие приятного оттенка с узором, выполненным с применением законов какой-то неземной геометрии и свойственным отделке только наших воздушных судов; светло-коричневые занавески, отсекающие салоны друг от друга; огромные экраны в каждом из трёх салонов, на которых крутили кино; ковры на полу; высота; скорость; стюардессы; самолетная еда — самое вкусное, что только может быть на свете; друзья... жизнь... А прибавьте к этому неподражаемую эндемичность советского воздушного флота, включающую в себя, помимо особенностей пластиковой отделки, ещё и уникальные подлокотники кресла, откидной столик с «утопленным» в уголке кружочком, куда надо ставить стаканчик с лимонадом, круглый вентилятор на потолке, какой можно встретить только в «Илах», и ещё много, много всего такого, что было и пока всё ещё есть только у нас! В тот момент время вообще перестало существовать. Оно остановилось, и фазу начала нашего приключения можно было считать полностью состоявшейся.

Поскольку летели мы в два раза быстрее своей скорости, так как летели на восток, и время с той же быстротой несло к нам навстречу, то и стемнело в два раза быстрее, и на посадку в Новосибирске мы заходили уже в лёгких начальных

сумерках. За весь перелет мы вообще куда-то потеряли целые сутки, но никто из нас об этом не сожалел – у нас впереди этих суток было вагон и маленькая тележка.

Нас пару раз покормили, мы уже насмотрелись вниз – на тайгу и на поднимавшиеся до высоты километров трёх дымы от охотничьих костров, слегка осоловели, и Таргеш уже успел всё изучить, проанализировать, систематизировать, вывести и даже огласить нам с Митяем свою новую авторскую теорию под названием «Три степени отупения, вызванного многочасовым перелетом на советском дальнемагистральном широкофюзеляжном лайнере «Ил-86».

Первой из этих трех степеней было то, что Митяй посолил себе сливу. Второй – то, что все принялись орать песни про облака, которые белогривые лошадки. Ну а третьей, я так понимаю высшей, степенью этой болезни было то, что Таргеш объявил себя «психотерапевтом доктором дядькой касьяном». Во как! А еще говорят, что по молодости лет путешествия, связанные с дальними перелетами и сменой часовых поясов, переносятся легко. Врут люди!

Так или иначе, но мы как-то подуспокоились и подутихомирились, нам-то с Митяем вообще хорошо – как-никак, а целый психотерапевт рядом, и начали даже подремывать. Возбуждение, вызванное всей этой поездкой и обилием полученных впечатлений, понемногу стало было ослабевать, но тут наш самолет встал на свое могучее двухмоторное крыло, выписывая двадцатидвухкилометровый в диаметре вираж, и

снизу проступили ещё редкие огни Новосибирска.

Хочу домой
Хочу туда, где «плохо жили»,
Где в хлебном очередь была,
Где о зарплатах не тужили,
Где жизнь, вообще, была светла.

Когда на каждом перекрестке
Я газировки выпить мог,
И, перепачкавшись в известке,
По стройкам бегал со всех ног.

Туда, где мы карбид взрывали
На недостроенной стене,
И пахли новые сандали
Уверенностью в каждом дне.

Не в детство я хочу, ребята,
Не надо воздух сотрясать,
Я лишь хочу, чтобы изъята
Была привычка всё марать.

Хочу я, чтобы вольный воздух
На улице вновь стал лучист,
Чтоб снова был в почете конюх,
И агроном, и тракторист.

Хочу, чтоб каждая девчонка

Вновь в «классики» могла скакать,
И чтобы голос ее звонко
Вновь лился, я хочу опять.

Чтоб мальчик мальчиком родился,
Солдатом снова стать мечтал,
Чтоб он за правду смело дрался
И в драке этой побеждал.

Чтоб снова старость уважали,
А молодым открыт был путь,
И женщин чтобы провожали,
Хоть и не страшно им ничуть.

Хочу, чтобы ковал и сеял
И возродился вновь Союз,
А над Союзом гордо реял
Флаг красный как бесценный груз!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.